

## ДЕТСКИЕ СТИХИ НИКОЛАЯ АГНИВЦЕВА

В.С.Зубарева

*Санкт-Петербургский государственный университет, vittoriaz@mail.ru*

Статья посвящена детским стихам Николая Агнивцева (1888 — 1932), популярным в двадцатые годы XX в. Рассмотренные тексты представляют собой совмещение двух традиций — русской дореволюционной литературы и зарождающейся советской детской литературы, которая отразила повышение социального статуса ребенка и пересмотрела круг его социальных ролей.

**Ключевые слова:** поэзия для детей, круг чтения, литературная традиция, поэтический образ

The article deals with the poems for children by Nikolay Agnivitsev (1888 — 1932), which were popular in the 20s of the XX century. This part of his work is considered a combination of two trends. The first is democratic tradition in Russian literature. The second is new Soviet literature for children, which is marked by increasing social status of child and revision of his social roles.

**Keywords:** poetry for children, domain of reading, literary tradition, poetic figure

Поэт и драматург Николай Агнивцев, известный как автор «Блистательного Санкт-Петербурга» (Тифлис, 1921; Берлин, 1923), обратился к детской литературе после возвращения из эмиграции в 1923 г. Можно предположить, что это обращение было вынужденным: до 1923 г. Агнивцев писал для театров-кабаре «Би-ба-бо» и «Кривой Джимми» (группа которого затем стала основой Театра сатиры, созданного в Москве в 1924 г.). После закрытия «Кривого Джимми» Агнивцев сотрудничает в сатирических журналах и пишет стихи для детей [1]. Превращение в «детского поэта» в это время не было явлением необыкновенным: «Столичная литература 20-х годов, не умевшая сдать экзамен на пролетарскую идеологию, имела два средства временного заработка: переводы и стихи для детей» [2].

Н.Я.Агнивцев умер в 1932 г., с 1924 по 1930 гг. вышло около 20 детских книжек. Он не обладал таким особым талантом писать для детей, как Д.Хармс, Саша Черный или Ю. Владимиров. В его детских стихах нет изящества, присущего многим его «взрослым» текстам, они часто оставляют впечатление «вымученности», кажется, что автор очень старался писать «как надо». В 1924 г. III Всероссийский съезд по дошкольному воспитанию принимает резолюцию, в которой сказка названа «тормозом в развитии материалистического мышления» [3]. В результате сказки были изъяты из фондов детских библиотек (через два года некоторые разрешили вернуть, например сборник Афанасьева и «Аленький цветочек» Аксакова [4]). В 1925 г. появилась книжка Агнивцева «Октябренок-постреленок», где «передовой» малыш грубит сказочным персонажам — Ивану-царевичу, Бабе-Яге и феи:

Из витрины  
Магазина  
Детских книг  
Вмиг  
«Иван Царевич» прыг.  
Октябренок, помоги!  
Много лет меня подряд  
В сказках дерзкие враги

В заточении томят.  
Октябренок-постреленок  
Руки  
В брюки  
Запихал,  
Прыснул,  
Свистнул  
И сказал:  
Вот и правильно. Права  
Эта самая братва.  
Лишь дурак ее осудит,  
Попил кровушки и будет [5].

Это стихотворение дало повод К.И.Чуковскому написать: «среди литераторов находились подхалимы-халтурщики, которые ради угождения начальству усердно посрамляли в своих писаниях сказку и всячески глумились над ее чудесами» [6]. Новый герой новой литературы оказывается удивительно несимпатичным, хотя Чуковский считал, что «невоспитанный, развязный, хамоватый малыш пользовался полным сочувствием автора» [7]. Трудно себе представить ребенка — адресата такого текста, хотя Агнивцев посвящает многие свои стихи «Никитке Курихину, чтобы слушал, когда ему говорят!».

Вероятно, в литературе в первое послереволюционное десятилетие еще только складывался новый «нормативный образ ребенка» [8]. Явственно ощущалось повышение социального статуса ребенка, закрепление за ним новых социальных ролей, дававших ему право на равных, а в некоторых случаях и свысока разговаривать со взрослыми. Вообще в первые годы советской власти дети стали восприниматься как самостоятельная политическая сила. «Осенью 1928 г. в Ленинграде прошли демонстрации детей против пьянства. Демонстранты несли массу транспарантов со следующими текстами: «Пролетарские дети против пьющих отцов», «Отец, не пей. Купи книги детям, одень их», «Отец, брось пить. Отдай деньги маме», «Мы требуем трезвости от родителей» [9]. Однако в художественных текстах воплощение нового образа еще не имело устоявшейся традиции, и «развязные малыши» встречались во многих

детских книжках. Не случайно во всех доступных нам текстах Агнивцева детские образы совершенно лишены обаяния:

За игрушки  
И ватрушки —  
Надававши колотушки  
Дружка дружке  
От макушки и до пят, —  
В одиночку, —  
Точка в точку  
Шесть искусанных зверят, —  
В злобе, в страхе и в печали —  
Жили-  
Были-  
Поживали шесть ребят! [10]

Одна из «вечных» тем детской поэзии — обращение к читателю с поучением как себя вести — у Агнивцева получает совершенно несуразное воплощение: в начале стихотворения, названного «Разноцветные ребята», перечисляются дети тридцати (!) национальностей, которые бегут к трибуне, прыгают на нее и заявляют:

На трибуну сразу — скок!  
И, нахмурившись ужасно,  
Заявили с высоты:  
Требуем единогласно, чтобы ты:  
На кровати не валялся,  
Ежедневно умывался,  
Не пищал,  
Не баловал  
И в носу не ковырял  
Вот! [11].

Почти половина детских стихотворений Агнивцева отсылает читателя к необычайно популярной в дореволюционной литературе теме «униженных и оскорбленных». Воспитание в детях сострадания и любви к бедным было одной из главных задач педагогов второй половины XIX — начала XX вв. По воспоминаниям Е.Н.Водовозовой, в 60-е годы XIX в. «воспитательница не должна была пропускать на улице ни одного лудильщика, кузнеца, сургучника, стекольщика, сапожника и водить детей в их мастерские, показывать им обстановку и орудия производства этих рабочих... при этом находили необходимым обращать особенное внимание на бедность народа, на его тяжелый труд, вообще на мрачные стороны его существования, что нередко приносило гораздо более вреда, чем пользы... Заставляя его (ребенка) задумываться над вопросами, несвойственными возрасту, расшатывали его нервы, делали не по годам мрачным и задумчивым, прививали болезненную восприимчивость» [12].

Мотив сострадания был одним из основных в детской литературе этого периода. Стихотворение А.Н.Плещеева «Зимний вечер» (1872) — одно из многих, посвященных этой теме:

Есть на свете много  
Бедных и сирот...  
Если приведется  
Встретить вам таких,  
Вы как братьев, детки,  
Приголубьте их [13].

Подобные тексты встречались практически в каждом издании для детей, особенно под Рождество, их чрезмерное количество вызывало раздражение. Александр Бенуа в 1908 г. писал: «Именно эта благородная плаксивость, ее назойливое внимание к обездоленным, ее воспитание человечности и есть тот кошмар, который держит русскую детскую литературу в безысходном тоскливом плену» [14].

В двадцатые годы тема «униженных и оскорбленных» не исчезла из детской литературы. В произведениях Николая Агнивцева традиционная трактовка этой темы встречается в стихотворениях «Маленький черный Мурзук» и «Рикша из Шанхая». Уже из названий следует, что герои живут в далеких странах. В обоих текстах герой сам рассказывает о своей тяжелой доле, и эти рассказы очень выразительны. Например, неровный ритм речи рикши создает впечатление, что говорит сильно запыхавшийся человек:

И только тогда,  
Когда  
Внутри, как ведро в глубь колодца,  
Сердце на миг оборвется,  
А вокруг  
Вдруг —  
Камни, вывески, ноги и лица,  
Вся дорога и все облака  
Захотят почему-то,  
Как спица, —  
Кружиться, —  
Я прошу разрешения у седока  
На минуту  
К чему-нибудь там прислониться!.. [15]

«Выселение» традиционных для русской литературы «несчастливых» героев в другие страны (где сострадание к ним разрешено и даже желательно) становится обычным приемом в советской детской литературе. Думается, что здесь имеет место скорее продолжение старой традиции, нежели открытие новой темы. В конце стихотворения «Маленький черный Мурзук» автор обращается к читателям:

— Эй, ребята-  
Октябрята,  
Справедливо это?..  
А?! [16].

Это обращение по сути мало чем отличается от призывов авторов XIX в.:

Все лучшие чувства, нежнейшие ласки,  
Что в детском сердечке таятся обильные  
Страдальцу отдай ты как лепту посильную...  
Запомни, дитя, ту минуту священную [17].

Традиционная разработка темы «несчастливого» героя невозможна, если место действия — Советская республика (даже изображаемая условно), конец обязательно должен быть хорошим. В стихах Николая Агнивцева «печальная» история может получать счастливый конец, несмотря на его надуманность. Так, начало стихотворения «Шарманочка» (1926) заставляет вспомнить «Сумасшедшего шарманщика» А.Вертинского («Плачет старое небо, мочит дождь обезьянку, / Пожилую актрису с утомленным лицом»), «Белого пуделя» Куприна, «Шарманщика» Василия Перова, «Китайчат» М.Моравской и т. д.

У обезьянки рожица  
Хоть с виду и смешна,  
Но хмурится, и ежится,  
И кашляет она.  
У попугая тоже  
Довольно грустный вид,  
Хоть сам понять не может,  
Что у него болит... [18]

Такое начало предполагает, что далее речь пойдет о тоске зверей по свободе, по далекой родине (как, например, в стихотворении «Апельсинная страна» М. Моравской). Но начинается представление — и самым главным становится то, что животные «таскают радость для малых гражданят». Заканчивается стихотворение балаганным «Гражданочке Шарманочке / За это — наш поклон!» [19].

Иной вариант развития темы «униженных и оскорбленных»: герои пытаются изменить свою жизнь, но в конце приходят к выводу, что ничего менять не надо, и все остается по-прежнему. В стихотворении «Как примус захотел Фордом сделаться» (1925) Примус, захотев повысить свой «социальный статус», пришел к Калинину и стал плакать и жаловаться («Примус плачет», «Примус жалуется» — название частей стихотворения). Но единственное, чего он добился от Калинина, — выговора:

В спесь  
Не лезь  
Ты наперед!  
Ну, иди!  
И  
Впереди  
Не пускай в нос больше пыль  
И затверди  
На всякий случай,  
Что хороший примус лучше,  
Чем плохой автомобиль [20].

Е.О. Путилова, однако, иначе интерпретирует этот текст: «он (примус) слышит из уст Всесоюзного старосты утешающие его слова» [21].

Одно из наиболее известных детских стихотворений Агнивцева — «Винтик-шпунтик» (1925). Большие машины на собрании не дали слова маленькому Винтику, он увольняется с работы, на следующий день обидчики идут к нему извиняться:

И с почтительным поклоном,  
Чуть не вывернувши спин,  
Прошептали все смущенно:  
— Извините, гражданин!  
Винтик-шпунтик звякнул, крякнул,  
Гайками в кармане брякнул,  
Кепку на голову шмякнул  
И, собравшись на работу,  
Им сказал в пол-оборота:  
— Ну, вот, то-то! [22]

Это напоминает бунт «маленького человека» — одну из сквозных тем в классической русской литературе. Удовлетворение герою дает осознание своей значительности, в этом смысл и цель его «бунта». Стихотворения 1926 г. «В защиту трубочиста», «Кирпичики мои», «Солнце и свечка» в принципе о том же. Все эти тексты напоминают басни, так они назы-

вательны, настолько прозрачны метафоры, в каждом стихотворении сосуществуют две идеи: без «маленького человека» не обойтись и каждый должен быть доволен своим положением. В стихах Агнивцева революционный пафос является скорее формой, нежели содержанием, «кто был ничем», не может стать «всем», Примус остался примусом, трубочист — трубочистом.

В детской литературе 20-х годов был очень популярен жанр «производственной книги». Агнивцев тоже создавал такие тексты, например «Чашка чая» (1925) — рассказ о том, как производят чай и привозят его в Москву. Написал Агнивцев и книжку о профессиях «Ребячий город» (1929), подражание опубликованному в 1928 г. стихотворению Маяковского «Кем быть?».

В эпоху первых пятилеток отношение к детству как особому периоду в жизни человека стало замещаться средневековым представлением о ребенке как о маленьком взрослом. «Они «смена», так они и сами на себя смотрят и делают то же дело, что и взрослые. Разница только в масштабе» [23]. В тексте Агнивцева тема «взрослые дети» получает просто зловещее воплощение:

Деловой Емеля  
Мечется с портфелем.  
Хозяйка Маруся  
Несет с рынка гуся...  
Сидит в киоске Надя  
Как есть вся в лимонаде.  
В лавке у Гришки  
Детские книжки.  
Прачка Иришка  
Стирает бельишко...

Заключительный вопрос автора к маленьким читателям звучит как насмешка:

Ну-ка, ребятки, скажите,  
Все прочитавши сперва:  
Кем из них быть вы хотите?  
А?! [24].

В «детском» творчестве Агнивцева есть и стихотворение, разъясняющее детям смысл революционных событий. В 1925 г. были опубликованы два похожих произведения: «Война игрушек» Николая Агнивцева и «Бунт кукол» Сергея Городецкого. Первое стихотворение, открывшее эту тему в детской поэзии и называвшееся «Война кукол», было опубликовано в 1912 г. в журнале «Галчонок». Конфликт в стихотворении П.П.Потемкина, как и у Агнивцева и Городецкого, носит классовый характер: новые дорогие игрушки пренебрежительно отзываются о старых: «Где здесь игрушки?! Тут только хлам!» — и из-за этого начинается война. В конце стихотворения старая нянька как умеет чинит кукол, и они, обезображенные, мирно сосуществуют и даже дружат:

С тех пор подружились, как это ни странно,  
С заморской Софи Матрена Иванна.

Они бы и рады друг друга ругать,

Да нечем ругаться и нечем кричать [25].

У Агнивцева же свергнутые иностранные игрушки просто оказываются под кроватью, а у Городецкого «слуги» и «господа» меняются местами:

А ты, барыня,  
Вчерашняя сударыня,  
Надевай фартук и готовь нам завтрак! [26]

М.С.Костюхина приводит отрывок из поэмы П.Когана, написанной в 1940 г. (дети ломают «буржуазных» кукол):

Володя тоже бил. Он кукле  
С размаху выбил правый глаз,  
Но вдруг ему под сердце стукнула  
Кривая ржавая игла.  
И показалось, что у куклы  
Из глаз, как студень, мозг ползет,  
И кровью набухают букли,  
И мертвечиною несет... [27]

Очевидно, что с 1912 г. уровень агрессивности в детских книжках вырос во много раз. Настоящие игрушки разделили несчастную судьбу литературных персонажей: «В реальной жизни старые куклы были просто изъаты (а фабрики, их производившие, закрыты)» [27].

К.И.Чуковский еще в 1911 г. в брошюре «Матерям о детских журналах» писал: «Детских поэтов у нас нет, а есть бедные жертвы общественного темперамента... которым легче пролезть в игольное ушко, чем избежать неизбежных «уж», «лишь», «аж», «вдруг», «вмиг», для которых размер — проклятье, а рифма — Каинова печать» [28]. Этот упрек можно отнести и к стихам Агнивцева, многие из которых переполнены междометиями.

Вообще тексты Агнивцева очень динамичные: герои непременно «мчатся вприпрыжку», «во весь дух», «разогнавшись во весь мах» и т.д.

Часто автор злоупотребляет условным наклоном, получаются строки, трудные для произнесения. В стихотворении «Спор между домами» все дома понимают, что самая важная — школа, потому что

Если б не было ее,  
То и не было б их тоже!  
Вот и все! [29]

«В защиту трубочиста» оканчивается похоже:

Если б сам я не был в саже,  
В саже были бы они! [30]

Ритм некоторых строк кажется заимствованным у Чуковского: например, окончание «Щегленка» напоминает «Бармалея», а «Сказка про Коминтерн» (И столбы, / Как грибы, — / Повытаскивали [10]) неизбежно вызывает в памяти написанную Чуковским в 1923 г. сказку «Тараканище».

В стихах для детей Николая Агнивцева проявились черты эпохи, когда детская литература адап-

тировалась к новым политическим условиям. Агнивцев, безусловно, понимает, каким должно быть советское детское стихотворение, и создает такие тексты, но почти все они, за редким исключением («Твои машинные друзья», «Мыши из цирка») являются доказательством того, что детский поэт — это призвание, а не профессия.

1. Куферштейн Е.З. Странник нечаянный (Книга о Николае Агнивцеве — поэте и драматурге). СПб.: Всемирный клуб петербуржцев: Пит-Тал, 1997. С.66-67.
2. Гаспаров М.Л. О русской поэзии: Анализ, интерпретации, характеристики. СПб.: Азбука, 2001. С.414.
3. Кон Л.Ф. Советская детская литература 1917 — 1929. М.: Гос. изд-во дет. лит. М-ва просвещения, 1960. С.69.
4. Инструкция по пересмотру книг в библиотеках. М.;Л.: Долой неграмотность, 1926. С.23.
5. Агнивцев Н. Октябренок-постреленок. М., [1925].
6. Чуковский К.И. От двух до пяти // Чуковский К.И. Соч. в 2 т. М.: Правда, 1990. Т.1. С.249.
7. Там же. С.250.
8. Кон И.С. Ребенок и общество: (Ист.-этногр. перспективы). М.: Наука, 1988. С.110.
9. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920 — 1930 годы. СПб.: Журн. «Нева»; ИТД «Летний сад», 1999. С.38.
10. Агнивцев Н. О шестерых вот этих. Сказка про Коминтерн. Б.м.: Книга, 1926.
11. Агнивцев Н. Разноцветные ребята. Б.м.: Радуга, 1928.
12. Водозова Е.Н. На заре жизни. Т.2 М.: Худож. лит., 1964. С.85-86.
13. Плещеев А.Н. Зимний вечер // Русская поэзия детям: В 2 т. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Е.О.Путиловой. СПб.: Академический проект, 1997. Т.1. С.215-216.
14. Цит. по: Кон Л.Ф. Указ. соч. С.22.
15. Агнивцев Н. Рикша их Шанхая. Б.м.: Молодая гвардия, б.г.
16. Агнивцев Н. Маленький черный Мурзук. Б.м.: Молодая гвардия, б.г.
17. Львов В. Больное дитя // Игрушечка, 1881. С.1458.
18. Агнивцев Н. Шарманочка // Русская поэзия детям. Т.2. С.288.
19. Там же. С.289.
20. Агнивцев Н. Как примус захотел Фордом сделаться // Русская поэзия детям. Т.2. С.288.
21. Путилова Е.О. Поэзия 1920 — 1930-х годов — детям // Русская поэзия детям. Т.2. С.36.
22. Агнивцев Н. Винтик-шпунтик. Б.м.: Радуга, 1925.
23. Путилова Е.О. Указ. соч. С.9.
24. Агнивцев Н. Ребячий город. Б.м.: Радуга, 1929.
25. Потемкин П.П. Война кукол // Галчонок. 1912. №12. С.9-10.
26. Городецкий С. Бунт кукол // Русская поэзия детям. Т.2. С.169.
27. Костюхина М.С. Игрушка в детской литературе. СПб.: Алетейя, 2008. С.132.
28. Чуковский К.И. Матерям о детских журналах. СПб.: Русская скоропечатня, 1911. С.31.
29. Агнивцев Н. Спор между домами. Б.м.: Друзья детей, б.г.
30. Агнивцев Н. В защиту трубочиста. Б.м.: Молодая гвардия, б.г.